

УЧЕНЫЕ И ТРУД

Иван Синицын

Статья, которую предлагаем, опубликована в журнале «Наш современник» (1982, № 1, с. 140–156). Уже в то время ставился вопрос о значении труда в воспитании и развитии человека в массовой школе. Проблема актуальна и в наше время.

• труд • воспитание • педагогика А.С. Макаренко • воспитывающее обучение

В СССР существует и совершенствуется единая система народного образования, которая обеспечивает общеобразовательную и профессиональную подготовку граждан, служит коммунистическому воспитанию, духовному и физическому развитию молодёжи, готовит её к труду и общественной деятельности.

Статья 25 Конституции СССР

Там, на переднем крае¹

Итак, чародейственно всегда ожидание встречи с прославленным и необычным! Едешь в таком светло-розовом настроении и кажется, что там, в конце пути, всё солнечно и празднично, и у людей тамошних уж нет ни беспокойства, ни забот, ни напряжения сил — сплошное благоденствие!

Овеваемый такими размягчающими предчувствиями, я ехал в края заднепровские, на Кировоградчину, где намечена была встреча с руководителями двух прославленных школ страны — Григорополиской Ставропольского края и Богдановской Кировоградской области.

Знал я об этих школах немало: обе они родоначальницы движения

¹ <http://zt1.narod.ru/doc/Sinizin-Ivan-Nash-Sovmn-1982-1.doc>

ученических производственных бригад. Григорополисская — восемнадцатикратная участница ВДНХ, семьсот восемьдесят выпускников её трудятся в родном колхозе «Россия». Отдача колхозу от одной лишь опытнической работы школьников в итоге составляет девять миллионов рублей. В Богдановке — из тысячи восьмисот шести выпускников послевоенных лет сорок вышли с золотой, шестьдесят один — с серебряной медалью. Все дети здесь получают разностороннюю трудовую и эстетическую подготовку, почти каждый второй остаётся работать на селе.

По приезду многое уточнилось.

В Богдановской хорошо организована учёба учителей и членов совета бригады. Каждый учитель, какой бы предмет он ни вёл, обязан хорошо знать вопросы трудового воспитания, уметь налаживать практическую работу учеников. За школой закреплено четыреста сорок гектаров колхозной земли, восемь полей севооборота. Пашут, сеют и убирают ребята

вместе с колхозными механизаторами. Урожаи получают завидные даже для многих известных хлеборобов области. Школа владеет шестью с половиной гектарами собственной земли, это база трудового воспитания младшеклассников, база ребячьего опытничества. В школьных мастерских осваивают станочное производство, выпускают различные нужные в обиходе вещи. Из сорока девяти выпускников 1979 года семнадцать пошли работать на мебельный комбинат — ими там очень довольны: дисциплинированные, трудолюбивы, активны... И ещё: за все годы из 1806 выпускников ни один не совершил антиобщественного поступка.

В Григороволысской школе создано семьдесят пять трудовых звеньев по семи направлениям: полеводы, животноводы, опытнические, оросители, четыре звена ремонтников (двадцать человек дважды в неделю ходят после занятий в колхозные мастерские, помогают в ремонте машин). Колхоз выделил школе четыреста семьдесят гектаров земли, есть у неё и свой, школьный участок. Школа связана с семнадцатью научно-исследовательскими и другими институтами. Вместе с учёными ребята ставят опыты, результаты которых внедряются в колхозное производство.

О связи школ с большой наукой, о том, как она устанавливалась, видимо, надо сказать подробнее — дело это новое и важное необыкновенно.

В Богдановской вначале велись обычные школьные опыты, которые назвать научными можно было весьма условно. Заглянул как-то в школу один из учёных и её директору, Герою Социалистического труда, заслуженному учителю УССР, кандидату педагогических наук Ивану Гуровичу Ткаченко сказал так:

— Дорогой Иван Гурович, я вас уважаю, я высоко ценю ваш труд, ваш большой вклад в развитие школьного дела, но вот опытничество ваше никуда не годится, безграмотно.

Иван Гурович, подумав, ответил:

— Что ж, я этого не знал. Спасибо за науку. Приезжайте через год.

Теперь он убеждался в печальной истине: школьные биологи для опытнической работы не подготовлены. Что им дают в институте? Один голый параграф! Ни практики серьёзной, ни технологии сельскохозяйственного труда. Школьному опытничеству нужна настоящая научная основа.

И вот он едет в Киев, в Украинскую сельскохозяйственную академию, едет сначала один, а потом с председателем своего богдановского колхоза «Родина», вдумчивым и дальновидным шефом ученической бригады Юрием Сергеевичем Заикой и главным агрономом Леонидом Константиновичем Бабичем, беседует с ректором академии, говорит, что есть нужда в сотрудничестве, напоминает о постановлении правительства, где сказано, что высшая школа должна помогать школе общеобразовательной. Ректор направил в Богдановку целую группу учёных.

Им показали школу, познакомили с колхозом, с работой ученической бригады, учёные выступили перед ребятами. И решено было установить шефские связи «с целью внедрения достижений сельскохозяйственной науки, а также передового опыта в деятельность колхоза и ученической бригады». Школа ликовала! И уже, не стесняясь в просьбах, она тут же письменно выразила свои пожелания, расписав их по пунктам «а», «б», «в» и так далее — на добрую половину алфавита. Она желала, чтобы учёные выступали с лекциями перед учителями и учащимися, чтобы установились деловые в культурные связи студентов академии с ученической бригадой, чтобы академия помогала школе совершенствовать систему трудового воспитания, оказала практическую помощь в укреплении учебно-материальной базы по трудовому воспитанию и профессиональной ориентации, а именно... И дальше следовали новые «а», «б», «в» с нешуточными просьбами — выделить для

школьного биоконцентра агрохимическую лабораторию и один комплект малогабаритной сельскохозяйственной техники, оборудовать класс для углублённого трудового обучения, изготовить для школы трактор и автомобиль в разрезе, пополнить пособиями учебные кабинеты. Не забыто было и о специальной литературе: «весьма желательно было бы укомплектовать и передать школе библиотеку специальной научно-методической литературы для учителей», в том числе по обработке проведённых опытов и исследований.

Словом, нехваткой научных и деловых желаний Богдановка не страдала, и это её учёным шефам, похоже, очень и очень приходилось по душе.

Тогда был заключён договор о творческом содружестве академии и школы на ближайшие три года с приложением строгой рабочей программы, указанием научных тем и их руководителей в ранге профессоров и доцентов.

Школе очень повезло ещё тем, что шефом-руководителем от академии стал не просто хороший учёный, а редкостный энтузиаст связи науки с производством, человек горячего творческого темперамента, ныне проректор академии по научной работе, доктор сельскохозяйственных наук, профессор Алексей Степанович Устименко. За тот первый год содружества (1967) он приезжал в Богдановку четыре раза. Провёл консультации по методике опытов, рассказал о новых перспективных сортах сельскохозяйственных культур, которые внедряются в производство, и об удивительных тайнах корневых систем, исследованию которых посвятил многие годы своей деятельности. Человек занятой до крайности, он с жаром и удовольствием принял самое активное участие в районном слёте ученических бригад и в районном собрании, посвящённом Всесоюзному дню работников сельского хозяйства, где вновь и вновь подчёркивал, что не надо ставить опыты по исследованию

вчерашнего дня науки, будущих земледельцев необходимо учить самому что ни на есть передовому. Опыты ребята выбирали сами. Учитель-биолог стоял перед классом, рассказывал о характере и цели эксперимента и спрашивал: «Кто возьмёт?» Записывались по трое, по пятеро — гурточками, кто с кем дружит. Потом получали дневники, помечали задание, распределяли по звеньям участка. И начиналось у них азартное соревнование; у кого лучше, чище деляночки и дорожки, у кого интереснее результат. В сентябре — массовый генеральный смотр: «Давайте сравнивать и оценивать». В октябре, в первую субботу, — выставка. И на уроках теперь учитель-биолог вызывает опытников и спрашивает уже не только по учебнику, а спрашивает и «по практике»: «Ты, Слава, вырощивал злаковые с различными удобрениями. Расскажи, как ты делал, что применял, к каким пришёл выводам?»

Так для ребят начиналось сближение «со взрослой» наукой и практикой, соединение обучения с трудом. Так это ведётся и в Богдановке, и в Григорово-Полесской, и в замечательной Новопржевальской школе, где юные опытники работают по заданиям Одесского института генетики и селекции под руководством лауреата Ленинской премии, Героя Социалистического труда, академика Фёдора Григорьевича Кириченко и селекционеров Кировоградской опытной станции. Эти школы и их ученические бригады идут далеко впереди основной массы школ Союза по многим результатам...

Но в рабочих буднях я с немалым удивлением заметил стойкую озабоченность и беспокойство и у молодого директора Григорово-Полесской школы Александра Николаевича Селютина, и у Ивана Гуровича Ткаченко, и у его приёмника — нынешнего директора Богдановской школы Петра Ивановича Ничипоренко.

— Проблемы, проблемы! — вырвалось однажды у Селютина, когда мы, тесно

сидя в машине, возвращались из поездки в Павлышскую школу Сухомлинского. — Вы знаете, сколько проблем обстуетает ученическую бригаду? И они всё усложняются. Проблемы работы на машинах, проблемы соревнования, развития трудолюбия, вопросы экономического плана... Это вопросы жизни бригады. Она практически не развивается, топчется на месте!

Мне сразу вспомнилась «Педагогическая поэма», вернее, описанный в ней период застоя в жизни колонии, так встревоживший Антона Семёновича Макаренко. Это было перед «завоеванием Куряжа», когда у колонистов уже не стало новых увлекательных целей и началась внутренняя психологическая демобилизация, снижавшая весь тонус жизни коллектива.

«...Я задумался над путями нашей колонии, — пишет А.С. Макаренко. — В полный рост встал перед моими глазами какой-то грозный кризис... Я представил себе силу коллектива колонистов и вдруг понял, в чём дело: ну, конечно, как я мог так долго думать! Всё дело в обстановке... мы почти два года стоим на месте: те же поля, те же цветники, та же столярная и тот же ежегодный круг...».

Остановка — начало тревожных явлений, грозящих разбродом и загниванием коллектива. И Макаренко решается идти на «поглощение» запущенной колонии в Куряже. Новая цель, большая, трудная, даже рискованная, но она вызвала к жизни в коллективе новые силы, и начинался новый взлёт. Это был великолепный стратегический ход основателя педагогики коллективизма!

Не то ли самое и здесь? С одной лишь разницей, что у Макаренко была колония, а здесь просто трудовая бригада школьников?

Селютин продолжал:

— Бригада появилась на свет в пятидесятых годах, когда почти весь уход за посевами проводился вручную. Она родилась как бригада ручного труда. И остаётся, по сути, такую сейчас, хотя уход за посевами практически полностью механизирован. Законного допуска к машинам у ребят нет, как нет и своей, школьной земли.

— В этом другая её слабость, — заметил Ничипоренко. — Не своя земля, не свои плоды. В школьном хозяйстве ученик относился бы к делу по-другому: звену интересно вырастить самый лучший урожай, все стараются, сравнивают... Воспитывают сами обстоятельства — никому не хочется выглядеть хуже других.

— Кстати, такое школьное хозяйство в природе существует, — сказал я, не предполагая, какой это вызовет взрыв интереса, — есть в Калужской области Улановская восьмилетняя школа — детхоз...

Мы долго обсуждали пример маленькой Улановской школы. Я рассказывал, что есть у неё своя земля, своя теплица, ребята работают звеньями, от посева до уборки всё делают сами, получают хорошие урожаи и хорошие доходы, растут настоящими трудовыми людьми.

— Вот! Вот где ключ! — объединилось сразу несколько голосов. — Школьное поле, на нём школьная техника — вот что нужно!

— И техника не только обычная, очень нужна и малогабаритная, — прибавил Иван Гурович. — При ней возможны трудовые ступени: с первого по пятый класс — ручная работа, с пятого по седьмой — на малой технике, дальше — на обычной. Малогабаритный трактор уже создан — «Школьник». Надо добиваться, чтобы налажено было его серийное производство.

Первопроходцы в поиске... Прекрасно!

Но меня уже давно преследует вопрос: почему этот нужнейший поиск ведут лишь отдельные самостоятельные периферийные Колумбы? Почему не ведётся он широко и организованно в масштабе всесоюзном? Почему мы никого не видим на педагогических вершинах, кто бы так же горячо беспокоился

о совершенной постановке трудового (и не только трудового!) воспитания школьников? Разве не ясно, что нам нужны не просто люди с аттестатами, нужны образованные люди-созидатели, люди, жаждущие и любящие творить жизнь в большом и малом!

Что такое «Хорошо»

Я ещё находился под впечатлением увиденного на Кировоградчине, как вдруг услышал по радио выступление одного из уважаемых мною деятелей педагогики. Он говорил о начале трудовой четверти. Говорил, что на трудовые рубежи выходит двенадцать миллионов школьников, что четверть эта особая — посвящена двум большим юбилеям. На этом выступающий и поставил точку с ясным чувством хорошо исполненного долга. А я стоял обескураженный: в выступлении остро не хватало чего-то очень важного. Пожалуй, деловитости. Стремления хорошо направить дело, предостеречь от возможных (по опыту прошлых лет) упущений и промахов.

Спустя месяц выступил другой, не менее уважаемый деятель педагогики, заместитель министра просвещения СССР. Трудовая четверть была уже в разгаре, шла вторая половина июня. Подумалось, что нужда в выступлении руководителя такого высокого ранга, пожалуй, есть. Привлечь к ребячьему труду всеобщее внимание, показать чей-то важный опыт, чьи-то ошибки...

Увы, ни слова, ни мысли такой в выступлении не оказалось. Звучали одни лишь парадные общие фразы.

Как же так?.. Такое большое, сложное дело, и такое облегчённое к нему отношение? Взял подшивку «Учительской газеты» — может быть, там по-другому, по-настоящему?.. Трудовая четверть — это же её кровное дело, её новый фронт, он сам зовёт её быть организатором, направлять, анализировать... Со страниц газеты сразу повеяло знакомой парадной бодростью: «На трудо-

вую вахту встали 10 миллионов старшеклассников»; «Всё ярче разгорается соревнование...»; «Пять тысяч 7—10-классников увлечённо трудятся...»; «Радостное пионерское лето...».

Так легко и бесппроблемно отзвенел в газете июнь. На той же ноте вёл эту тему июль: «Действуют лагеря труда и отдыха...», «Хорошо подготовились к трудовому лету школьники»; «Шестой год действует «Романтик»... награждён вымпелом».

Похоже, всё лето красное редакция настроилась пропеть на одной этой ноте. Как тут было не задуматься? Может, в самом деле — всё и всюду идёт ровно и гладко, и то, о чём шли у нас дебаты в Богдановне, — явление, не стоящее больших забот?

Нужно было разобраться во всём основательно, и я снова поехал по областям и районам. Начал с Подмосковья.

В Серпуховском роно, забыв о перерыве на обед, сотрудники долго и увлечённо рассказывали о делах трудовой четверти. Осуществляется всё (и я потом убедился в этом), всё, что требуют министерские инструкции и программы. При средних школах действуют ученические бригады, при восьмилетних — звенья и животноводческие отряды. На базе Дашковской и Липицкой школ круглый год работают детские конструкторские бюро, тринадцать учеников — лауреаты ВДНХ по конструкторскому делу. Всюду в районе — пришкольные участки, три раза в году проводится смотр их работы. Всё в соответствии с программой!

Еду в Дашковскую, одну из лучших школ района, подшефную ЦК ВЛКСМ.

Прекрасное здание, отличные, старательно оформленные кабинеты. Привлекает витрина «Человек славен трудом». Но...

Захожу в отдел кадров совхоза, спрашиваю: много ли школьников заинтересовались работой на полях и фермах, много ли выпускников остаётся в родном совхозе?

Оказывается, из выпускников десятых классов в 1979 году оставалось двое: один поработал токарем, другой — трактористом. Вскоре первый ушёл в военное училище, второй — в армию. Из девочек не осталось ни одной. Поехали в город — в торговлю, в общепит... Из выпуска 1980 года один поступил в Тимирязевку, двое шоферят, остальные разъехались кто куда. Большинство — опять в торговлю, в бытовое обслуживание.

В чём же дело? Может быть, здешний совхоз — непривлекательное хозяйство?

О нет, хозяйство завидное! Это известный ордена Ленина совхоз «Большевик» — крупнейшая в стране фабрика по производству овощей (7 тысяч гектаров земли). Целый городок теплиц. Свежие овощи — круглый год. Урожай дивные — до пятисот семидесяти центнеров с гектара. Миллионные доходы. Развивается животноводство: введён в действие механизированный комплекс на тысячу голов по выращиванию телят. Хозяйство — опытно-показательное. Здесь испытываются и внедряются новейшие достижения науки и техники. Простор для творчества, для радости людей трудолюбивых — бескрайний. И они есть, такие люди: четверо уже стали Героями Социалистического труда, многие награждены орденами, медалями.

Что же выпускникам не нравится? Может быть, совхозу кадры не нужны?

Да нет, говорят, нужны! Не хватает тридцать восемь овощеводов и полеводов, тридцать пять доярок и телятниц, нужны зоотехники, ветеринары, механизаторы. А те, кто учится в старших классах школы, получают ориентацию как раз на эти специальности — на трактористов, овощеводов, животноводов...

Может, с жильём худо? Город привлекает бытовыми удобствами?

Но я уже видел совхозный красавец-городок. Дома на все вкусы. С лоджиями, с ваннами,

с горячей водой. За десятую пятилетку построено около пятидесяти тысяч квадратных метров жилья, так что квартиру долго ждать не приходится. А кроме жилья? Три детских комбината, школа, Дом быта, пункт проката, торговый центр, аптека, амбулатория. В столовых — мясные, молочные блюда, свежие овощи круглый год, всё своё, дешёвое; отличное питание и в полевых столовых. Благоустройство? Асфальтированные улицы, тротуары, летом зелёные аллеи, газоны...

Может, с культурным досугом нелады? Негде отдохнуть, потанцевать, повеселиться? Работает великолепный Дворец культуры с библиотекой, комнатами для кружковых занятий, кинозалом на шестьсот мест. В двух часах езды на электричке — Москва. Вдобавок телевизоры здесь принимают все программы столичного телецентра.

Конечно, люди сюда идут. Вот пришли выпускники местного СПТУ, среди них одиннадцать девочек-овощеводов. Но откуда они? Есть из Архангельской, из Брянской, Калужской областей, даже из Ставропольского края, четыре девочки из Серпухова...

Странно? Загадочно? Иду в поле. Вот она, трудовая четверть! Вот они, мальчики и девочки, которые «встали на трудовую вахту» и «увлечённо трудятся».

Они полют свеклу. Скучные, хмурые лица: эти мальчики и девочки не выращивают урожай, они «отрабатывают практику», как определено программой. Их дело — прополоть, что указано, и получить свою «четвёрку» или «пятёрку». За ними через неделю (две, три) придут другие группы и тоже станут «отрабатывать практику», но выполнять они будут уже следующие операции — прореживание, подсадку... И цель у них тоже не выращивание урожая, не радость добывания и получения его, а очередная отметка в соответствующей графе...

Когда видишь это буквально всюду, во всех школах (за исключением каких-нибудь сотых, тысячных долей процента, где умеют перешагнуть через инструкцию), приходишь в тяжкое уныние от поразительной безграмотности, с которой организуется вся трудовая четверть, призванная быть университетом трудового воспитания школьной молодёжи. Ни одному самому горемычному урокодателью не придёт в голову вместо решения задачи выполнять лишь «отдельные операции»: Витя только прибавляет, Света только отнимает, Саша только формулирует вопросы — в итоге у всех круглые «пятёрки». Смешно? А в трудовом воспитании по министерской программе дело строится именно таким образом.

Мне много раз приходилось писать и рассказывать, с какой жадностью бросаются дети дошколята на любую правдашнюю работу — стребать листву, сажать картошку или цветы, поливать огурцы или помидоры; складывать дрова, месить глину, носить на грядки перегной. Но куда девается их интерес к живому делу, когда они вкусят «радости» школьного труда?

Ломка природного трудолюбия, рассказывают учителя, начинается у детей с первого класса. Начинается с того, что в школе нет детского инвентаря. Малыши пробуют работать «взрослыми» железными граблями, большими лейками и ведрами... Вот уже четверть века (!) школы беспокойно сигналили в своё министерство: нужен детский инвентарь! Но до сих пор не слышно, чтобы Минпрос принял и постарался выполнить эти первостатейные, насущнейшие запросы. (Да это и неудивительно: там до последних лет открыто называли трудовое воспитание «мозольной педагогикой».)

С первого школьного дня гасится детский интерес к практическим работам всё той же безграмотной, в канцеляриях рождённой системой организации ребячьего труда — системой безурожайной работы.

Да и не рассчитано на увлекательные дела большинство пришкольных участков.

В Дашковской, хоть роно и проводит смотр по три раза в год, участок представляет собою карликовый огородишко, где на каждого ученика не приходится и по одному дециметру земли. И это называется «базой трудового воспитания»!

В Дашкове я спросил учителя, бывают ли в школе инспектора, проверяют ли, что получается на практике с трудовым воспитанием, с трудовой четвертью. Оказалось, нет, ни в том, ни в этом году не проверяли. Приезжала в первых числах июля в район инспектор Мособлоно, объясняли мне, да побывала недолго. Наведалась лишь в Липицкую школу, которую все хвалят в районе, к тамошнему знатному овощеводу Г.И. Рыбаковой. Конечно, встретиться с таким человеком интересно: Галина Илларионовна — Герой Социалистического труда, лауреат Государственной премии, депутат Верховного совета РСФСР. Если бы просвещенческая инспектура была сориентирована на усовершенствование системы трудового воспитания, на устранение недодумок и нелепостей в ней, наверное, иными были бы и маршруты инспектора, и круг его служебных интересов, и глубина проверки, анализа...

Еду в соседний район, в школу, о которой упомянул недавно в одном из своих очерков. Тогда она просигналила тревогу. У пожилого учителя произошёл неожиданный конфликт с ученической бригадой. Он добивался, чтобы ученики, взрослые уже люди, девятиклассники, работали в поле похозяйски, с заботой о каждом корешке (пололи колхозную свеклу); снова и снова объяснял, что надо прореживать её с расчётом и старанием, не оставлять два растения рядом, иначе они будут угнетать друг друга и вырастут чахлыми. И девочки-девятиклассницы вдруг восстали:

— Хватит вам! Вы нас совсем замучили! Мы к директору пойдём — жаловаться!

Он был потрясён. Откуда это у них? Ведь, кажется, с первого класса приучали их к труду, водили на пришкольный участок, они работали там... Теперь оказывалось, что работали со стиснутыми зубами?..

Вот и школа. Хорошая, капитальная ограда. Молодые липы и березы вокруг ограды, за ними проглядывает сад. Ворота, калитка перед зданием. Почему-то ожидаешь, что там, за воротами, красуются нарядные клумбы, чистые дорожки, аллеи роз, и школа всеми окнами смотрит на эту прелесть. И думается о том, какой праздник поселяется в ребячьих душах, едва войдут юные трудолюбцы в этот цветущий, ими сотворённый мир. Но, увы, ничего этого за воротами нет. Есть клумбы, но их затянуло травой, и похожи они на заброшенные могилы. Муравой заросли дорожки и даже скамеечки.

В саду десять рядов по полтора десятка яблонь — это полторы сотни замечательных воспитателей любви к природе и труду! Но и они запущены, торчат засохшие и поломанные сучья... Зачахли кусты смородины... На грядках опытного участка свекла, репа и щавель растут густо, как мох. Сегодня здесь работают одни, через неделю — другие. С утра пришли семь человек, шестиклассники. Учительница их подбадривает, похваливает, увлекает. Вчера они «забунтовали» — не хотят полоть: «Зачем это посеяно? Редиска уже плохая. А щавель кругом и так полно!» Учительница стала их уговаривать, бросилась полоть сама: «Давайте, ребята, давайте!..»

— А куда пойдут ваши огурцы? — спросил я.

Ребята распрямылись, молча переглядываются, никто не знает.

Вот он, труд, лишённый ясной цели и видимого смысла, приказной, омертвлённый и обесцвеченный. А мы ещё удивляемся, что старшеклассники не имеют вкуса к работе и видят в ней одно принудительное «мученье»...

А может быть, всё-таки мы ошибаемся, когда начинаем бить тревогу? Может, решительно нет никакой беды в том, что ребята в школе не любят работать? Может, больше-то им пока ничего давать и не надо, главное — дать

образование? А окончат школу, выберут дело мало-мальски по душе, и всё пойдёт как надо, стерпится — слюбится, и счастлив из них будет каждый и все, кто рядом и вокруг?

С этими мыслями я ходил по земле смоленской, по калужской, брянской и другим, ходил и искал ответ...

Трудные люди

Крепко же, право, я начитался просветительских статей о трудовой четверти! Приехал в Темкинский район Смоленщины, знакомлюсь в райцентре со средней школой и уже думаю: как бы написала о ней «Педагогическая газета»? Наверное, так:

«Увлечённо трудятся на полях совхоза члены ученической бригады, питомцы 7–9-х классов. В прошлом году они с энтузиазмом пропололи 50 га картофеля, а осенью дружно помогали в уборке урожая, убрали 278 га картофеля и 199 га льна. Нынешняя трудовая четверть проходит с особым подъёмом. Ученическая бригада разделена на три группы (отряда), которые старательно и добросовестно приобретают трудовые навыки, работая по очереди в основном в совхозе «Ильинский» (один отряд — в июне, другой — в июле, третий — в августе)».

Все «данные» здесь в ажуре: и пололи, и убрали, дирекция организовала соревнование на приз «Золотое ведро» в «Золотой сноп», вручала призы, подарки на праздничных вечерах... И с «закреплением» молодёжи не так уж плохо.

В районе из выпуска 1978 года осталось тридцать три человека (в вузы и техникумы поступили шестнадцать, в ПТУ — двадцать восемь). В 1979-м — двадцать пять из шестидесяти восьми, в 1980-м пропорции

примерно те же. Явление, можно сказать, отрадное, особенно на фоне общего тревожного оттока людей из района (за последние пять лет уехало около двух тысяч человек).

Но вот вопрос: какого качества труженики получились из них? Когда я об этом узнал, тяга к звонким газетным эпитетам у меня пропала начисто.

Большая часть выпускников-ребят устраивается работать в дорожном ремонтно-строительном участке. Что их привлекает? Техника. Никто в районе не получает столько новых машин — самосвалов, автогрейдеров, бульдозеров, сколько ДРСУ. «Техника начинает нас захлёстывать, — говорят руководители участка, — заработки у нас большие, а кадров не хватает». И вот кадры, питомцы школы, прошедшие «трудовую закалку» в ученических бригадах, приходят в рабочий коллектив... О них у нас шёл откровенный разговор с главным инженером участка М.И. Фатюшкиным.

Удивляют его ребята. Трудные люди. Все разные, но трудные. Каждый за своё стоит. Дело его интересует только с одной стороны: «Сколько я получу?». Его мало волнует то, что им сделано, радость для него не в этом. Заговорите с любым из них о жизни, о её радостях, он тут же сведёт разговор к выпивке. Пьют почти все. И прогуливают. Прогуливают по нескольку дней. Его не трогает, что страдает производство: «Не уволите. У вас кадров не хватает!»

Они знают даже процент текучести кадров по райцентру, знают, где какие работники нужны. Одного уволили, он пошёл на сырзавод, оттуда выгнали — устроился в отделе культуры... Это одна беда. Вторая: он выпил, молодой, все чувства прут наружу — сел на машину, помчался, жмёт «на всю железку». Авария.

И вот, рассказывает дальше Михаил Иванович, есть у нас комсомольская организация — пятнадцать человек, вроде бы кол-

лектив, большая воспитывающая сила! Но у них не развито чувство общественных интересов, они хорошо понимают интересы только личные и мелкогрупповые. На комсомольском собрании, если обсуждается чей-то неблагоприятный поступок, они молчат, никто не поправит человека, не осудит — они не готовы оказать друг на друга положительное влияние: «А что? Ну мало ли, ну выпил человек... Надо ж и погулять!» Двое ребят украли в гараже задний мост «Москвича», ну создали комсомольское собрание — никто ни слова. Смешки, шуточки.

— Что ж, — заканчивает Михаил Иванович. — Работаем! Разные подходы ищем, стараемся перевоспитать...

Как это обидно звучит: перевоспитывать после школы!

Иду к учителям, к ребятам, пытаюсь понять, как выросли эти «трудные люди».

Пришкольный участок. Далек Темкино от Серпухова, а участия как близнецы: ни науки, ни радости, ни доходов. И точно такие же унылые лица у ребят.

К школе подходит группа подростков. Это «ученическая бригада»: три девочки и шесть мальчиков. Тоже тоска на лицах. Едут в совхоз на прополку. Должно было собраться двадцать четыре человека, собралось девять. Вчера тоже многие не приходили. Учительница пожимает плечами: «А что сделаешь? Быть подёнщиками никому не интересно...».

— Вот так год за годом складывается у ребят отношение к труду, — заговорил со мною пожилой преподаватель. — В мае я вывел выпускников на школьную площадь, говорю: «Скоро вам прощаться со школой, посадите на память о себе по одному деревцу — вот нам дали саженцы лиственниц...» Благородное, радостное дело, верно? И что вы думаете? В штыки: «Вот ещё, придумаем! Работать тут! Последние дни...»

Правда, я их уговорил. Но посадили они так, что больше половины саженцев не прижилось...

Учителя ходят в напряжённых думках: как работать, как строить дело дальше? Директор школы сказал:

— Эх, приехал бы к нам Михаил Алексеевич Прокофьев, наш министр! Это ж его родина — Темкинский район. Подумали бы, посоветовались...

Директор школы В.М. Ратчин свои думы записывает иногда в тетрадь. Он с сердцем говорит о том времени, когда был взят курс «на теоретическую школу» и все навалились на так называемую «ликвидацию второгодничества». Навалились на «высокие показатели», и стало гаснуть внимание к воспитательной работе, к дисциплине, к трудовой закалке ребят.

«Нужны высокорезультативные в воспитательном отношении системы трудовой подготовки детей,— пишет он для себя, — Нужно создать условия, способствующие сплочению учащихся в единый коллектив, обеспечить ему непрерывное движение и развитие, сделать его основным средством воспитания каждой личности».

Впереди меня ждали новые школы и новые, порой кричаще горькие, плоды «теоретической школы»...

Недалеко от Брянска, на станции Батагово, разговорился с железнодорожниками. Рассказали грустную историю.

До середины 1960-х годов у здешней школы было своё хорошее хозяйство. В большом количестве выращивали огородные культуры, разводили кроликов («тут столько вольеров было!..»), ребята с удовольствием работали в своём школьном хозяйстве, сажали, пололи, заготавливали веники для кроликов, ухаживали за ними — дежурства были установлены. Школа получала большие доходы, организовывала бесплатные горячие завтраки.

— Так дружно ребята жили, такие активные росли! Бережливые, аккуратные. Мы не видели никакого хулиганства. Бывало, на дежурст-

во идёшь — ночь-полночь, и в мыслях не было оглядываться, бояться...

Потом хозяйство ликвидировали. «Не-нужное дело! Мозольная педагогика! Главное для детей — знания!» Забросили освоенный участок земли (люди и до сих пор называют то место «школь-ный участок»).

— С тех пор совсем другие ребята выходят из этой школы. Вы посмотрите, что делается!..

Вошли в пассажирский зал. Диваны изломаны, стены исковыряны.

— Теперь боже упаси ходить на дежурство ночью! — рассказывает билетный кассир А.П. Никитина.— Сажу в кассе, как в крепости, до утра и не высываюсь! С вечера их тут набивается — полный вокзал — пьянь, матеряется, ломятся в дверь, а я тут одна, в этом здании... Работать не привыкли, оканчивают школу — едут в Брянск, там устраиваются где полегче, ходят на работу через пятое на десятое, пьют, хулиганят. Но в Брянске им воли не дают, там милиция, так они на ночь — сюда. Приезжают с девочками, вваливаются в вокзал, выключают свет — и до утра. А посмотрите, что по другим станциям делается!..

Схожу на станции Зикеево. В посёлке — средняя школа, завод отбеливающих земель, совхоз... Школьные клумбы и здесь как заброшенные могилы...

Начальник станции Н.А. Лосева рассказывает почти то же самое:

— Что творят! Собираются по вечерам ватагами — и совершеннолетние, и подростки, — пьяные, бьют стёкла, ломают диваны, скамейки, изуродовали даже бачок с водой. Стены испечатывают грязными подошвами сапог. Я здесь восемь лет, раньше такого не было, началось году в семьдесят пятом.

К труду не приучены, делать ничего не любят, вот и творят. Окружили девочек-пассажиров, нагло к ним пристают, а тут брал билет молодой прапорщик — в отпуск приезжал, — подходит.. «Как же вам не стыдно!» Они сшибли его с ног, окружили, стали бить сапогами. А прапорщика отец проводил, Фрол Васильевич, бросился спасать сына, закричал: «Что же вы делаете?!» Тут же сбили и его...

— Был суд, — продолжает Н.А. Лосева. — Три группы осудили. Сейчас потише стало. Приходишь утром — даже не верится! Господи, все скамейки на месте, все стёкла целы...

— И вы не найдёте виновника! — так, вздохнув улыбочиво и горестно, заявил один из хорошо знакомых мне педагогов-учёных, когда я рассказал ему о виденном и слышанном. — Не найдёте! Ибо он, этот истинный враг настоящего воспитания, является существом, так сказать, неодушевлённым. Я почти двадцать лет шёл по его следу, пока до конца не понял, что это такое!..

Неодушевлённый враг

Теперь, когда я перечитываю дорожные записи, невольно улавливаю ускользающий коварный лик этого неодушевлённого существа.

Вот одна запись:

«Сафоново, Смоленской, 1-я средняя... Красивое здание. Сад перед школой. Варварски обрезанные яблони. Как обрубленные руки, торчат сучья. Изуродованный «грибок». Под окнами мастерской будто мусорная свалка: ворох бумаги, коробки от сигарет, битые бутылки, пробки от бутылок — россыпью. Окна заделаны фанерой. А ведь этот цех формирует людей труда!»

Прочитал, и кольнула мысль: а Макаренко подчёркивал, что человека воспитывает всё: предметы, вещи... Неужели не помнят? Педагоги ведь!..

Вторая:

«4 июля, 8 утра. Школьники города собираются к 5-й школе. Будет подан автобус — ехать в совхоз «Вышегодский» полоть капусту. Из шести школ набралось шестьдесят четыре человека, считая учителей. Из 2-й школы — три ученика и две учительницы.

Приехали. Тяпок нет. Пошли в деревню за тяпками.

Принесли. Каждому дали ряд длиной в километр. Полюют.

Ох, какие же они все разные, полотьщики, — и по росту, и по силам, и по навыкам! Есть крепкие и опытные, тяпкой владеют ловко, запаслись перчатками, чтобы не набить мозолей. А есть и слабые...

Пришёл главный агроном, посмотрел, стоит в раздумье: «Как им платить? Как замерить, кто сколько сделал?»

Почему всё так бездумно и педагогически безграмотно организовано? Надо помочь совхозу, и ребята понимают: надо!

Но ведь можно же организовать это по-человечески — за опытом в таких делах в Америку не ездить: закрепите за школой гектар, два, три, выделите слабенькой Наташе на этом гектаре тридцать-сорок кочанов, а рослому Саше, может быть, семьдесят или сто, и с каким удовольствием они будут выхаживать растения, исчезнут и пассивность, и тоска!»

Ещё одна запись:

«Дабужа, Калужской, 16 июля...»

Случай меня привёл сюда особый. Весною, 27 марта, в областной молодёжной газете было напечатано такое письмо:

«Пишут вам шесть девушек, учащихся 10-го класса. Мы живём на станция Барятинская. Однажды возвращались домой

вечерним поездом Калуга — Спас-Деменск... На станции Дабужа в вагон вошли человек восемь ребят примерно нашего возраста... и, подойдя к парню, который спокойно разговаривал с нами, ни с того ни с сего спросили: «Ты бил нашего друга?» Парень недоуменно поднял голову. «Да вы что, ребята?..» И те схватили его и потащили... А мы сидели и проклинали себя за трусость, за то, что рядом с нами избивали человека, а мы не пошли и не вступились. Да и не только мы...

Проводница рассказывала потом, что такое случается часто. Подвыпившие ребята садятся в Дабуже, выбирают себе жертву и, избив, совершенно безнаказанно сходят на разъезде».

Меня остро задело это письмо, потому что однажды я тоже ехал тем самым поздним вечерним поездом и был свидетелем такого же отвратительного развлечения дабужских мальчиков. Мы тогда с большим трудом уняли их.

В этих мальчиках поражала удручающая безликость и словно выставленная напоказ убогость желаний. Одинаковые лица, нечёсанные жирные волосы. Мальчики производили впечатление людей, у которых от долгой бессмысленной жизни началась деформация психики.

Несколько месяцев меня не оставляла мысль: «Что там за школа, в Дабуже? Как в ней воспитывают, как приобщают к труду?»

И вот Дабужа. Средняя школа.

Школа новая, на отлете, на просторе. Липовая аллея уходит от калитки далеко в глубь территории, к зданию школы. Сто учеников, двадцать учителей. Директор:

— Скажу честно, ученическая бригада у нас в этом году не работает. Не смог совхоз посеять свеклу — грязно.

— А в прошлом?

— А в прошлом году не взошла.

— На чём же строится трудовое воспитание?

— Они к работе дома приучены. Плохо, правда, — в совхозе никто не остаётся. Вот последний выпуск, мы с ним работу провели — сначала соглашались остаться многие. Потом получили документы — и кто куда.

Увидишь одного, другого, подзовёшь — молчит...

О хулиганах заговорил без малейшего огорчения:

— Я собирал их. Прямо сразу, как пришла газета: «Это правда? Кто расскажет?» Молчат: Потом один поднял голову: ««А чё? Расскажу. Только пусть все выйдут». — «А при всех?..» Помялся: «Могу и при всех. Ну, в общем, ничего там особенного не было, а проводница шум подняла, девочки эти расписали, разрисовали — куда там!..»

Вот такая оценка, такие выводы.

Запись на станции:

«Начальник станции Дабужа И.И. Лариков:

— Тут всё, и драки, и стёкла в поездах бьют. За этот год случаев пять было. Троих или четверых оштрафовали». А что им этот штраф?»

Тревожно становится. Что с тобой, школа? Почему такая лёгкость, такой холодок, такое уверенное и безбоязненное равнодушие умов и сердец педагогических к делу, так много решающему в нашей жизни, — к воспитанию растущего человека? На бумаге сто процентов успеваемости — и у руководителей школы ни о чём больше не болит голова! Откуда он, этот лёгкий ветер? Почему?

Идут и идут ко мне письма из школ от научно-педагогических работников — отклики на публикации по школьным проблемам.

«Кому не видно, — пишет старая учительница Р.Г. Голицына из Москвы, — что этим делом, проблемами и организацией воспитательной работы ныне мало кто занят на ниве просвещения? Считается это именно делом побочным, производным...»

«Корень зла именно здесь! — написал мне известный в стране исследователь творчества А.С. Макаренко, кандидат педагогических наук В.В. Кумарин. — Здесь собака зарыта! И есть теоретическое обоснование этой «собаке». Оно именуется концепцией «воспитывающего обучения». Вот он, наш недоушевлённый враг! Согласно его установкам, человеку достаточно внушить, что он должен поступать хорошо, и он будет поступать хорошо, достаточно растолковать, что его место в поле, на шахте или у домы, и он с энтузиазмом бросится на это самое место. Я несколько утрирую, но суть именно такова. Для «воспитывающего обучения» вся мудрость, вся соль воспитания заключается в формировании правильных представлений и понятий, оно игнорирует совершенно вторую сторону дела формирования личности — выработку устойчивых привычек...

«Главное — это обучение» — вот ведущий тезис означенной теории. «Из мыслей вытекают чувствования, а из них принципы и поступки» — это теория Гербарта. На первый план она ставит воспитание словом, а о воспитании делом не помнит вообще».

Так вот откуда он дует, этот разлагающий ветер! Герbart... Реакционный немецкий теоретик педагогики и психологии, философ-идеалист. Ещё недавно о его идеалистическом детище у нас писали так:

«Понятие воспитывающего обучения ввёл в педагогику Герbart... Учителю внушалась ложная мысль, будто в процессе обучения можно исчерпывающим образом решить все задачи воспитания...» («Общие вопросы педагогики», М., 1967, стр. 112–113).

Влияние герbartовской теории, читаем там же дальше, оказалось у нас весьма значительным. В конце тридцатых, в сороковых годах «представление о том, будто на школьных уроках могут быть воспитаны все качества характера и поведения, было

распространено в советской педагогической теории и практике довольно широко. Труд, общественно полезная работа, влияние жизни явно недооценивались. Воспитание неправомерно ограничивали только воспитывающим обучением. В настоящее время имеют место попытки истолковать в этом духе требование единства воспитания и обучения».

А.С. Макаренко в своё время с грустным юмором писал:

«Честное слово, трудно даже поверить, но такой простой и наивный фокус проделывается... Вместо того чтобы честно и серьёзно работать над вопросами коммунистического воспитания, сделали умное лицо и заявили:

— Воспитание? А зачем? Учитель — он же преподаёт, вот в это самое время он и воспитывает. История! Вы знаете, одна история сколько может воспитать, вы себе представить не можете!..

История, конечно, воспитывает, — продолжал Антон Семёнович. — Воспитывает и литература, и математика. Но никакого права ограничивать воспитательный процесс классной работой, конечно, никто не имел...».

И как беспощадно выводил он на чистую воду вот таких «сделавших умное лицо» чиновников от воспитания, приводя их откровенно циничные словеса:

«Как-нибудь обойдётся, это же не мост строить, который может рухнуть через месяц. Мы ученика выпустим, кто там разберётся, что он за человек. Как-нибудь обойдётся; комсомол, семья, пионеры... сделают...»

Уничтожающее разоблачение! Оно прозвучало более сорока лет назад. А жив курилка и доньяне! И даже преуспел на диво, венчая себя липовыми лаврами «сто-процентной успеваемости!» По страницам педагогических изданий с редкостной

организованностью запорхали хвалебные оды в честь «воспитывающего обучения». Заместитель министра просвещения СССР В.М. Коротов написал целую книгу, которая так и названа: «Воспитывающее обучение» (М., «Просвещение», 1980). С первой же фразы начинается панегирик:

«Идея воспитывающего обучения была выдвинута ещё прогрессивными (??) педагогами прошлого».

В «Педагогической энциклопедии» — и того «фундаментальнее»:

«Воспитывающее обучение — дидактический принцип, находящий отражение в содержании, организационных формах и методах обучения. В советской школе в процессе воспитывающего обучения осуществляются основные задачи коммунистического воспитания» — Основные! Ни больше ни меньше. И эти написано не Гербартом, это пишет действительный член Академии педагогических наук СССР.

В.В. Кумарин, который заведовал отделом общих проблем коммунистического воспитания в НИИ педагогики УССР в Киеве, написал мне в связи с этим:

«Идёт перегрузка учебных программ теоретическим материалом и недооценка опыта, практики, жизни в воспитательном процессе. Вредоносное влияние указанной теории проявляется и в том, что она снимает вопрос о коллективе, Она препятствует внедрению в школьную практику самой эффективной методики коммунистического воспитания — методики А.С. Макаренко. Она обуславливает существование таких явлений, как правонарушительство и преступность, как инфантилизм и иждивенчество, как недостаточная социальная активность и нежелание довольно значительной части молодёжи трудиться в сфере материального производства.

Наконец, «воспитывающее обучение» существенно снижает воспитательный эффект самого обучения, воспитательный эффект урока, потому что представления мировоззренческого, нравственного, идейно-политического, эстетического характера не получают в его условиях необходимого подкрепления опытом жизни

школьников и в результате оказываются недостаточно прочными. А это, в свою очередь, является главной причиной случаев разрыва между словом и делом, между сознанием и поведением».

В пропаганду «воспитывающего обучения» включались и педагогические журналы, и «Учительская газета». Во всесоюзном журнале «Советская педагогика» (№ 11, 1979 г.) со статьёй, названной «Актуальные проблемы теории и практики воспитывающего обучения», выступил академик АПН А.И. Пискунов.

Вроде бы и неплохо: видный учёный-педагог решил начать крупный разговор о необходимости комплексно совершенствовать постановку учебно-воспитательной работы в школах, добиваться более органичного единства обучения и воспитания. Но когда читаешь его статью, возникает мысль, что автор каким-то образом оказался в далёких домакаренковских и даже домарковских временах, когда педагогика ещё не знала ни стройной социалистической системы воспитания, ни важнейшей её основы — соединения учёбы с производительным трудом. Все педагогические надежды он возложил на «воспитывающее обучение», и так с этим делом постарался, что впал в тяжкий научный грех. Он написал так:

«Смысл «воспитывающего обучения» с предельной ясностью был раскрыт В.И. Лениным в его знаменитой речи «Задачи союзов молодёжи».

И «подкрепил» это сногшибательное открытие цитатой, мыслью Ленина о том, что «на место старой учёбы, старой зубрежки, старой муштры мы должны поставить умение взять себе всю сумму человеческих знаний, и взять так, чтобы коммунизм не был бы у вас чем-то таким, что заучено, а был бы тем, что вами самими продумано, был бы теми выводами, которые являются неизбежными с точки зрения современного образования» (ПСС, т. 41, стр. 306).

Сама суть ленинской идеи оказалась усечённой, урезанной, выхолощенной, она в полном виде А.И. Пискунову «не годилась». Разве Ленин клонил дело к «воспитывающему обучению», к тому, чтобы загнать науку коммунизма в стены классов и оторвать её от жизни, от практики, от повседневного созидательного труда? Он предупреждал от этого, прозорливо и строго предупреждал:

«Тут нам угрожает целый ряд опасностей, которые сплошь и рядом проявляют себя, как только задача учиться коммунизму ставится неправильно или когда она понимается слишком однобоко» (т. 41, стр. 301).

Как это могло оказаться пропущенным и не принятым к делу сегодня?

Ленин подчёркивал: «Только преобразуя коренным образом дело учения, организацию и воспитание молодёжи, мы сможем достигнуть того, чтобы результатом усилий молодого поколения было бы создание... коммунистического общества» (там же).

Только преобразуя коренным образом!.. Ленин даже коммунистическое содержание обучения не считал достаточным и надёжным средством, потому что «тогда слишком легко мы могли бы получить коммунистических начёточников или хвастунов, а это сплошь и рядом приносило бы нам вред и ущерб, так как эти люди, научившись и начитавшись того, что изложено в коммунистических книгах и брошюрах, оказались бы не умеющими соединить все эти знания и не сумели бы действовать так, как того действительно коммунизм требует» (т. 41, стр. 302).

Поистине, ясность предельная. Ученье, не соединённое с практическим действием, с трудом, с работой, г.-*-; негодное для нас ученье.

«Без работы, без борьбы, — объясняет Ленин, — книжное знание коммунизма... ровно ничего не стоит, так как оно продолжало бы старый разрыв между теорией и практикой,

тот старый разрыв, который составлял самую отвратительную черту старого буржуазного общества» (там же).

Сколько мы их видим сегодня вокруг — не умеющих соединить знания с делом, не умеющих «действовать так, как того действительно коммунизм требует»! Как можно не заметить учёному образованных лентяев и потребителей, начётчиков и хвастунов, «граммофонов» (по образному выражению А.С. Макаренко)? Как можно не задуматься о причинах, о недостатках в деле воспитания молодёжи, о нехватке в этом деле практических действий и не встать горой за утверждение созидательного труда в роли великого воспитателя учащихся? Ленин ведь так убедительно, с такой сверхпредельной ясностью сказал:

«Мы не верили бы учению, воспитанию и образованию, если бы оно было загнано только в школу и оторвано от бурной жизни» (т. 41, стр. 313).

Но именно тем и заняты поборники «воспитывающего обучения», что загоняют обучение, воспитание и образование в каменные стены классов. Как же иначе, если признаешь воспитание лишь частью обучения, хотя известно, что всё как раз наоборот, обучение само является частью общего дела воспитания человека. В свете ленинской мысли нам жизненно необходимо сегодня решительно совершенствовать и сам процесс обучения, обогащая его опытом талантливейших педагогов-новаторов, которыми так богата страна.

Любопытно, как приняла ваша педагогическая общественность тот всплеск пропаганды теории, о которой идёт речь.

С удивлением и унынием. Потому что каждому ясно, что курс на «воспитывающее обучение» — это курс на «научно обоснованную» ликвидацию воспитательной работы в школах.

В различные инстанции хлынула масса писем. Вот передо мною письмо учителей-коммунистов Мамлютской санаторной

школы-интерната Казахской ССР министру просвещения Союза М.А. Прокофьеву, письмо с гневным заглавием «До каких же пор?..». Скажу сразу, Мамлютская школа — школа прекрасная. Один из ответственных работников ЦК Компартии Казахстана С. Яренская писала о ней в «Учительской газете» (30.09.1980):

«...Результаты в обучении, воспитании и оздоровлении детей в Мамлютской санаторной школе, возглавляемой заслуженным учителем Казахской ССР Г.М. Кубраковым, поистине поразительны. Здесь забыли о второгодничестве, правонарушениях, а дети, которые пришли в школу ослабевшими, выходят из неё абсолютно здоровыми. Эти успехи кроются в высоком идейном и нравственном настрое коллектива, в такой организации труда и быта воспитанников, когда они ощущают себя ответственными за все дела — учебные и хозяйственные».

И вот — письмо. Оно подписано Г.М. Кубраковым, заместителем директора по учебной работе А.С. Телепиной и ещё десятью учителями.

«На наш взгляд, — пишут они, — прежде всего, нужно преодолеть образовавшийся за последнее время ощутимый, влекущий за собой пагубные последствия крен некоторых ведущих учёных и деятелей народного образования в сторону гербартовского идеализма, что, собственно, и побудило нас, учителей-коммунистов, обратиться к Вам с этим открытым письмом».

Дальше они говорят о фактах, о том, что журнал «Советская педагогика» объявил читателю, что проблемы, поднятые в статье А.И. Пискунова, «должны стать в текущем году одним из главных направлений работы журнала».

И журналисты «Советской педагогики», продолжают авторы письма, публикуют одну за другой статьи о воспитывающем обучении, в том числе статью Вашего заместителя В.Н. Ягодкина («С. п.» № 8, стр. 27), а книга другого Вашего заместителя В.М. Коротова «Воспитывающее обучение» (М. «Просвещение», 1980) стала эпицентром всей этой псевдонаучной «эпопеи»...

Возникает законный вопрос: до каких же пор учительству будут морочить голову гербартовским «воспитывающим обучением»? Его защитники полагают, что они открыли «новую дидактику», что «воспитывающее обучение» — это и обучение, и воспитание. На самом же деле — это и не обучение, и не воспитание! Это теоретическое обоснование оторванности школы от жизни. Оно первый враг трудового воспитания, мать всех недостатков сегодняшней организации коммунистического воспитания школьников. «Воспитывающее обучение», с какой бы стороны на него ни смотреть, как бы его ни приукрашивать, было и остаётся вреднейшим педагогическим анахронизмом, не имеющим с целями коммунистического воспитания ничего общего...».

«Признаемся Вам, — пишет в заключение этот замечательный отряд педагогов-коммунистов, — что наш коллектив отверг воспитание школьников в той форме, в какой его рекомендуют сторонники «воспитывающего обучения»... Не жалея сил мы строим коллектив и всю школьную жизнь по макаренковской технологии. Получается отличное, неподдельное, самое естественное и результативное единство обучения и воспитания. Спросите тех, кто бывал в нашей школе, они... отметят высокую культуру и воспитанность наших детей, их жизнерадостность, трудолюбие, физическую закалку, дисциплинированность, дружбу, коллективизм и гражданскую зрелость. Правонарушений не имеем тринадцать лет. Оградите от гербартианства учителей и нашу прекрасную молодёжь — наше будущее. Очень просим. Думаем, что к нашей просьбе присоединится всё советское учительство».

Министр им не ответил.

А письма шли — и в Минпрос, и в Академию педнаук, и в редакции педагогических изданий. Ни одно из этих писем не было принято во внимание...

Дело, однако, не ограничивается острой полемикой, статьями и письмами. Столкнулись две концепции: гербартовская и марксистско-ленинская, макренковская. И события скоро начали принимать драматический характер.

Нечто похожее на педагогический детектив

Как-то в очередной почте я получил из Киева небольшую бандероль. Мой давний фронтовой друг, учитель, прислал мне книгу. «Тебе это будет очень интересно, — писал он, — замечательная, нужная вещь, только что вышла».

На яркой полосе обложки было напечатано: «В.В. Кумарин. Теория коллектива в трудах А.С. Макаренко, Киев, издательское объединение «Высшая» школа».

Я читал и убеждался, что это действительно замечательная работа. Высота задачи, ясность видения проблемы, хороший стиль: «Что может и что должна безотлагательно дать современной школьной практике педагогическая наука? Если говорить о воспитании, то здесь лучшим ответом на поставленный вопрос можно считать опыт А.С. Макаренко, методику воспитания, которую он разработал».

И сразу — лицом к проблеме: «К сожалению, сделать это не так просто. Дело в том, что, несмотря на рекордную продолжительность споров, мы в наследии А.С. Макаренко до конца не разобрались».

И автор вводит читателей в творческий мир крупнейшего фундактора советской педагогики. Макаренковская модель коллектива. Методика воспитания в нём. Условия, необходимые для успешного применения этой методики. Коллектив и личность... Заинтересованно, талантливо, зовуще! Он разбирает ошибки, которыми вольно или невольно грешат некоторые наши исследователи педагогического творчества А.С. Макаренко, со страстью и достоинством даёт отповедь буржуазным макарен-

коведам, враждебно настроенным по отношению к социалистической теории коллектива, и, наконец, перейдя к анализу специфики обучения и воспитания, решительно обнажает вредность теории «воспитывающего обучения». Острая правда его позиции захватывает. Он говорит доказательно, темпераментно и прямо!

А вскоре из Киева я получил новое письмо:

«Автора книги сняли с работы... — писал мой друг фронтовик. — Люди, которые не способны понять великую значимость учения А.С. Макаренко, не терпят рядом с собой убеждённых пропагандистов этого учения».

Я немедленно написал В.В. Кумарину, попросил его отозваться, написать, что происходит, и стал ждать ответа.

А ко мне уже шла масса писем с советами прочитать его книгу.

«Эта книга отвечает запросам живой школьной практики, — писал мне И.Г. Ткаченко, педагог-учёный, Герой Социалистического труда. — А практика эта учит, что воспитательные возможности процесса обучения на уроке не безграничны, что научные и нравственные идеи, понятия формируются и закладываются в процессе обучения на уроке, но их дальнейшее закрепление, углубление и развитие совершается на широком интеллектуально-нравственном фоне внеклассной и внешкольной работы, активного практического участия школьников в производительном и общественно полезном труде... Эту книгу ждёт массовый читатель, она нужна, она необходима для живой педагогической практики и особенно для молодого поколения учителей».

Письмо из Ростова, от научного сотрудника лаборатории научной организации труда и управления производством Ростовского университета В.М. Шевцова (мне пришла копия, подлинник был послан президенту Академии педагогических наук):

«Мой научный интерес к этой книге не случаен. Дело в том, что теоретические и практические идеи А.С. Макаренко, их основные положения применимы не только для детского, но и для любого коллектива, в том числе и производственного».

С предложением издать книгу массовым тиражом обратились к президенту АПН и в «Учительскую газету» бывшие воспитанники А.С. Макаренко — Л.В. Конисевич и А.Ф. Гапеев, полковник МВД в запасе. В своём большом и горячем письме они пишут:

«Вызывают наше суровое осуждение слова некоторых «теоретиков» о том, что-де «всё это было тогда, в 30-е годы, а теперь всё изменилось». Что же стало невозможным? Коллектив, разделённый на первичные коллективы? Органы самоуправления? Производительный труд с промфинпланом, с хозрасчётом, прибылью, зарплатой? Не случайно автором книги, В.В. Кумариным, затронут вопрос о концепции так называемого «воспитывающего обучения». Эта теория не должна быть предметом полемики. Не только учёному исследователю, но и простому здравомыслящему человеку ясно, что одного обучения, одного голого интеллектуализма для формирования личности мало. В коммуне им. Ф.Э. Дзержинского были хорошие преподаватели, они квалифицированно учили и воспитывали нас, но этого было бы недостаточно, Потребовалась целая гамма отдельных от обучения воспитательных мер, гениально выработанных Антоном Семёновичем, чтобы в конечном итоге воспитать полноценную гармоническую личность. И главное во всей этой системе воспитательных мер — производительный труд, практика, личный опыт... Понятно, что тем, кто проповедует одно лишь словесное воспитание, не нужен Макаренко с его учением о коллективе, с его тонкой инструментовкой воспитательных воздействий на личность».

Пришло, наконец, письмо и от Валентина Васильевича Кумарина. Он был сдержан:

«Да, книга у меня вышла, но судьба её не так удачна, как мне хотелось. Едва её выпустили, как продажу приостановили, а автора быстро перевели из заведующих в ст. научные сотрудники. Обстановка накаляется. Я написал

большое письмо в Москву, в Министерство просвещения Союза. Стараюсь доказать правоту своей научной позиции и неправомерность применяемых ко мне санкций...»

Дальнейшие события, увы, не отличались оригинальностью. Министерство ответило, что правоты его не признает. Автор написал второе письмо, стараясь быть предельно убедительным. Письмо заняло сорок две страницы машинописи. Пришёл новый ответ:

«Мы внимательно ознакомились с присланными Вами материалами, однако не изменили своего мнения об ошибочности занятой Вами позиции в вопросе о воспитывающем обучении и в особенности (!) о недопустимости тона дискуссии с теми, кто является сторонником отрицаемого Вами дидактического принципа.

Что касается вопроса об издании или распродаже Вашей книги, то повторно разъясняем, что Министерство просвещения СССР не правомочно решать какие-либо вопросы в отношении книги, вышедшей в республиканском издательстве «Высшая школа»...

Начальник отдела С.О. Мелик-Нубаров».

В том же письме (небезынтесная деталь) С.О. Мелик-Нубаров пишет: «Что касается трудов самого А.С. Макаренко и выраженных в них идей и предложенных им методов воспитательной работы, то они, как известно (?), широко внедрены (?!) в практику советских учебно-воспитательных учреждений и едва ли нуждаются (?!) в дополнительной пропаганде».

Мне трудно поверить, что уважаемый С.О. Мелик-Нубаров, начальник отдела педагогической науки, не знает, что говорит... Вспоминается лишь фраза из письма В.В. Кумарина, написанная,

правда, по другому поводу: «Одной рукой защищать гербартианство, а другой писать заверения в приверженности идеям А.С. Макаренко, это ведь то же самое, что креститься, читая «Коммунистический манифест»!

Мне он писал теперь со скрытой горечью:

«Конечно, в науке каждый волен высказывать мысли, которые он считает правильными. Но обстановка у меня складывается трудная. Кто-то написал руководству НИИ анонимку, что надо «освободить институт от Кумарина». Минпрос республики повесил на оставшийся тираж моей книги большой замок...»

Несколько месяцев он молчал. Наконец, написал откровенно:

«Жаль уходить. Выживают. Мне уже прямо говорят, чтобы я уходил. Написал письмо руководителям Минпроса республики, прошу их принять меня. Готовлюсь к большому разговору... И вот ведь поистине полна чудес наука! Каким-то волшебным образом исчез с лица земли находившийся под замком Минпроса тираж моей книги. Было продано очень немного, остальное теперь исчезло без следа».

Всякие детективы мы видели, педагогический я встречаю впервые...

Тем временем и к автору, и по другим адресам шли письма об этой книге — письма и от рядовых читателей-педагогов, и от больших учёных. Президент Академии наук УССР академик Б.Е. Патон писал автору, что с его книгой ознакомился президент Академии наук УССР, что она «представляет интерес для современной педагогической науки и практики».

Доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики Украинской сельскохозяйственной академии Д.А. Сметанин счёл своим долгом написать:

«Книга по большому счёту партийна, полностью отвечает новым требованиям партии и правительства в постановке и решении актуальных научных проблем, направлена против рутины и косности, которой грешат иногда некоторые педагогические публикации».

Шли письма научно-строгие и письма, полные душевного волнения, как вот это, обращённое к тогдашнему президенту АПН В.Н. Столетову:

«Глубокоуважаемый Всеволод Николаевич, по самому глубокому моему убеждению, я говорю Вам: нет сегодня в педагогической теории более опасного и сильного врага, чем рецидивы гербартианства, чем проповедь однобокого интеллектуализма, чем попытки подменять диалектическое решение проблемы единства воспитания и обучения метафизической формулой «воспитывающего обучения». Если мы действительно хотим сделать нашу школу школой жизни и труда, если мы хотим реализовать в полной мере указания В.И. Ленина по вопросам школьного строительства, мы прежде всего должны освободить нашу педагогическую мысль от сетей «воспитывающего обучения»... Как старый коммунист, как человек, отдавший науке более полувека, я считаю себя обязанным поддержать в нашей педагогике то направление, которое ей дали гениальные основоположники марксизма-ленинизма и которое так ярко было представлено в трудах А.С. Макаренко...

И. Табачников, доцент, кандидат философских наук».

Нет, Кумарин не чувствовал себя одиноким! Но уходить... Уходить ему, конечно, нелегко. Много отдал он сил, знаний и здоровья делу, которое вложил, работая в институте. Решена целая серия остро-насушних научно-педагогических проблем. Его аспиранты первыми в стране защитили диссертации по классам выравнивания и по внедрению методики А.С. Макаренко в практику школ. Вместе с ними

он доказал, что методика А.С. Макаренко и сегодня лучший вариант комплексного подхода к постановке школьного воспитания. Известны школы, которые много лет работают под его научным руководством по макаренковской технологии. Это замечательные школы.

Теперь он обращался с трудным, вынужденным письмом к министру просвещения республики М.В. Фоменко и заместителю министра В.М. Курило:

«Я считаю ненормальной, противоречащей партийной и научной этике обстановку, которая сложилась вокруг меня в Минпросе УССР и в НИИ педагогики... Мне говорят, что я надоел Вам своими апелляциями в вышестоящие органы, что я даю Вам лишнюю работу. Я полностью принимаю этот упрек. Но ведь... мне тоже... не нужна «лишняя» работа, когда кругом столько важных дел. Будем в этом вопросе честными и самокритичными. Уверен, что при таком подходе выиграют все, даже анонимщики, которые поймут, что у них нет базы «в верхах».

Он просил дать ему возможность изложить свои взгляды на проблемы школьного обучения и воспитания перед сотрудниками аппарата министерства, продискутировать в свободной» непредвзятой атмосфере. Просил предоставить возможность опубликовать в журнале «Радянська школа», в порядке обсуждения его статью «Обучение в воспитание», которую прилагал к письму. И просил назначить его руководителем небольшой группы по проблемам внедрения в практику школ воспита-

тельной методики А.С. Макаренко и по проблемам организации учебно-воспитательного процесса в условиях школы-комплекса макаренковского типа...

Не знаю, что помешало понять его и выполнить эти простые, но несомненно полезные для школы просьбы. Может быть, помехой явилась концовка письма? Она чисто кумаринская — откровенная, честная и бескомпромиссная:

«Я вполне считаюсь с тем, что за всеми акциями против Кумарина могут стоять более влиятельные лица. Что сказать, если это действительно так? Только одно: тем хуже для этих влиятельных лиц. Тот, кто идёт против объективных законов развития жизни, обязательно потерпит поражение. Рано или поздно». **НО**

The Teaching And Work

Ivan Sinitsyn

Abstract. *Work students organization at school in Soviet times. Criticism of «educational training». The development of education — the author's position and the present.*

Keywords: *work, education, A.S. Makarenko pedagogy, educating.*